

Я съёл ядро
и стал
БОГОМ
подземелья

18+

Олег Королев

**Я съел ядро и стал
богом подземелья**

«Автор»

2026

Королев О. А.

Я съел ядро и стал богом подземелья / О. А. Королев — «Автор»,
2026

Он умер в своём мире. Очнулся в чужом — в сыром подземелье, где светящиеся грибы дышат, как живые, а смерть пахнет забродившим мёдом. Ни телефона. Ни выхода. Только странный кристалл на камне — тёплый, пульсирующий, живой. «Съешь. Это твоё.» Он съел. И перестал быть человеком. Теперь в его груди бьётся второе сердце — Ядро. Оно даёт силу, но требует голода. Оно шепчет чужие имена и ждёт, когда он научится есть. Оно не злое и не доброе. Оно просто голодное. Как и всё в этом подземелье. Чтобы выжить, ему придётся врать. Называться богом перед тварями, которые чуют ложь. Заключать сделки с изгнанными полуэльфами, которые съедят его при первой слабости. И главное — идти вглубь, к Матке, которая стережёт Корень смерти и уже чувствует его запах. Он не герой. Не избранный. Он — Едок. Тот, кто растёт, поглощая. Тот, кто собирает мёртвых и делает их своими. Тот, кто однажды вернётся к Хозяину подземелья — и, возможно, займёт его место.

© Королев О. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Пять минут"	5
Глава 2 "Первый шаг вниз"	14
Глава 3 "Цепь"	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Королев

Я съел ядро и стал богом подземелья

Глава 1 "Пять минут"

Смерть пахла мокрым камнем и чем-то сладковатым — как забродивший мёд, забытый в темноте.

Я открыл глаза. Потолок был слишком ровным для пещеры. Светящиеся грибы на стенах мигали сине-зелёным, будто дышали. Подо мной — мягкий мох, как перина. На мне — та же одежда, в которой я был там. В моём мире. Телефона нет. Кошелька нет. Только я.

И кристалл на камне рядом.

Он пульсировал. Тёплый. Живой. Он смотрел на меня. Я смотрел на него.

«Съешь. Это твоё.»

Я не знаю, кто это сказал. Может, камень. Может, я сам. Может, то, что уже тогда сидело внутри и ждало.

Я положил его на язык.

Огня не было. Но было ощущение, будто я проглотил звезду. Боль разлилась от горла до кончиков пальцев. В голове вспыхнули чужие образы: два солнца, фиолетовая трава, огромный слайм размером с гору — и он кланялся. Голос, звучащий прямо в черепе:

«Ты принял Ядро. Теперь ты — не совсем человек. Но и не монстр. Пока.»

Боль ушла так же резко, как пришла. Я посмотрел на руки. Кожа стала чуть желейной на ощупь. Я сжал пальцы — они растянулись, как у слайма, и вернулись обратно.

Нет. Нет, нет, нет. Я не хочу быть слаймом.

И тут — не словами, а ощущением, будто кто-то погладил меня изнутри:

«Ты не слайм. Ты — сосуд. Я — дар. Но если хочешь — я уйду. Только тогда ты снова станешь просто мясом в подземелье, полном голодных тварей. Выбор твой.»

Я не ответил. Я просто подумал: «Ладно. Когда выберемся — решим, что с тобой делать. Помирать неизвестно где я не хочу.»

Ядро не сказала ни слова. Но я почувствовал удовлетворение. Тёплое. Как кот, который улёгся на грудь.

Из тоннеля слева слышались шаги. Мелкие. Быстрые. Цокающие. Много.

Каменная дверь справа задрожала. Символы на ней загорелись золотом. Из щели потянуло тёплым — старым деревом и благовониями.

А из тоннеля уже выбегали они. Три твари. Размером с кошку. Ящерицы в хитиновой броне. Четыре красных глаза. Пасти — сплошные зубы.

Они остановились в десяти шагах. Принюхались.

— Чует... Ядро... Не трогать... Хозяин придёт...

— Голодно... Но нельзя... Хозяин сказал — искать...

— Ты кто? Ты пахнешь как мы. Но выглядишь как еда.

Я выпрямился. Насколько мог в этом сыром подземелье. И сказал то, что сказал бы любой нормальный человек, попавший в такой переплёт:

— Я тот, кто спасёт вас. И еду. Я — бог этого мира.

Тишина. Четыре глаза каждой твари мигнули по очереди. Хитиновые пластины приподнялись.

Первая опустилась на брюхо.

— Бог...? Но боги не пахнут Ядром. Боги не приходят в Гнездо. Ты...

Вторая перебила:

— Молчи! Хозяин говорил — придёт Носитель. Придёт Тот, Кто Ест. Мы ждали. Мы не знали, как он выглядит.

Третья подползла ближе. Нюхнула воздух.

— Если ты бог... докажи. Скажи нам Имя. Настоящее Имя. Которое Хозяин оставил в Ядре.

Ядро вздрогнуло. Я почувствовал, что оно знает это имя. Но не даёт его просто так. Ждёт. Чего?

Я закрыл глаза. Внутри — темнота. Не пустая. Ядро пульсировало в центре груди, как второе сердце.

«Какое у тебя было имя?»

Тишина. Потом — вспышка. Чужая память. Голубое небо. Два солнца. Огромная фигура в белом на вершине башни. Посох из чёрного кристалла. Голос, глубокий, как землетрясение:

«Ты будешь последним. Твоё имя — Азатот. Но не произноси его вслух. Пока не научишься есть.»

Образ разорвался. Я снова в подземелье. Три твари ждут.

Я знал имя. Оно было внутри. Но Азатот — это имя бога. А боги в этом мире, судя по всему, не были милосердны. Твари. Голод. Подземелье. Если боги здесь такие — то я не хочу быть их богом.

Я сделал вдох. Камень под ногами холодный.

— Азазель.

Слово упало в тишину, как камень в воду.

Грибы на стенах вспыхнули красным. Дверь за спиной захлопнулась с гулким ударом. Три твари упали на брюхо, прижимаясь к полу так, что хитин скрипел.

— Аза... Азазель... Он назвал Имя Падшего...

— Хозяин говорил — придёт Носитель Ядра. Но не говорил, что он демон...

— Значит, Хозяин лгал? Он говорил, что спасёт нас. А ты... ты сожрёшь нас?

Ядро вспыхнуло теплом. Одобрением. Будто ждало этого имени. Будто Азазель — ключ.

Но тут же — холод. Голос в голове, не мой:

«Ты назвал меня. Теперь я назову тебя. Ты — Едок. Ты будешь расти. Ты будешь есть. И однажды... ты вернёшься сюда. К Хозяину.»

Я усмехнулся. Внутри — странная смесь страха и восторга. Ядро пульсировало быстрее, будто смеялось вместе со мной.

— Демон? Рассмешили. Я же сказал — я бог. А бог — это и демон, и бог в одном лице. Можете звать меня Всемогушим. Но я бы предпочёл Азазель.

Твари переглянулись. Потом первая медленно поднялась. Из щели на её спине выполз тонкий усик. Тянулся ко мне.

— Всемогуший... Азазель... Хозяин говорил — Носитель будет один. Но ты... ты двое. Ядро и ты. Бог и демон. Мы не понимаем. Но мы верим.

Вторая подползла ближе:

— Если ты Всемогуший... прикажи. Мы сделаем.

Третья фыркнула:

— Но если ты слаб... мы съедим тебя. Такова стая.

Ядро вспыхнуло — предупреждение. Не доверяй. Они проверяют.

Я почувствовал, как Ядро отзывается на мысль. Оно согласно. Даже радо. Будто ждало этого.

Я расслабил тело. Позволил слизи выйти.

Это не больно. Это странно. Кожа размягчилась. Пальцы потекли. Руки удлиннились, становясь полупрозрачными жгутами. Я чувствовал каждую каплю своего тела — и одновременно оставался собой. Голова не менялась. Глаза видели. Разум был ясен.

Я выбросил руку вперёд — она вытянулась на три метра, обтекла каменный выступ, вернулась. На конце капала слизь. Я втянул её обратно. Рука снова нормальная.

Твари отшатнулись.

— Он... он течёт! Как мы! Но больше!

— Не подходить! Он голоден!

Третья замерла. Потом поклонилась ниже прежнего:

— Всемогуший... Азазель... Ты наш. Ты слайм. Ты бог. Мы шли за Хозяином. Но ты... ты лучше.

Ядро довольно урчало внутри. Я чувствовал силу. Но и голод. Лёгкий. Пока.

Я рывкнул — голос низкий, с металлическим оттенком. Слизь на руках вспыхнула багровым, но не вышла дальше. Я держал её. Контролировал.

— Какой слайм?! Я — Азазель! Или вы хотите, чтобы с вами случилось то же, что с той слизью, которая посмела не поверить в меня? Она живёт во мне. Только когда я разрешу — выходит.

Тишина. Три твари замерли. Потом синхронно упали на брюхо.

— Прости... Всемогуший... Мы глупы... Мы черви...

— Ты хозяин Ядра. Ты сильнее. Мы твои.

— Тогда прикажи. Что нам делать, Азазель?

Ядро довольно пульсировало. Они верят. Пока. Но стайные. Если я ослабну — сожрут.

Я выпрямился. Слизь втянулась обратно под кожу. Я снова выглядел как человек. Но глаза — я чувствовал — мерцали багровым.

— Найдите мне зверя. Могучего. Если он не подчинится — я его съем.

Твари переглянулись. Первая склонила голову:

— Есть... Глубоко в Гнезде. Матка. Она старая. Она сильная. Хозяин запечатал её. Но если ты Всемогуший — печать падёт.

Вторая шипела:

— Она сожрёт тебя. Она сожрала троих наших. Но... если ты съешь её... ты станешь сильнее Хозяина.

Третья царапала камень:

— Идти долго. Тоннели путаются. Есть другие. Которые не верят. Которые нападут. Мы проведём. Но ты защитишь нас?

Я втянул воздух. Запах — странный. Я чувствовал его яснее, чем должен. Ядро обостряло обоняние. Холод — сырой камень. Слизь — три твари, кисловатый металл. Гниль — где-то впереди, глубокая, старая. Тепло — живое. Большое. Пульсирует. Матка.

И ещё один запах. Знакомый. Будто из прошлого мира. Не может быть. Но он есть. Что-то жареное. Еда. Где-то близко.

Твари отступили в тень.

— Мы свободны... Но помни, Азазель. Гнездо не прощает. Если не съешь ты — съедят тебя.

Они растворились в темноте тоннеля. Я один.

Впереди — два пути. Прямо — тоннель вглубь. Запах гнили и Матки. Холод. Направо — узкий лаз, оттуда тянет тёплым и жареным. Свет? Возможно, выход. Или ловушка.

Я выдохнул. Плечи опустились. Внутри — дрожь, которую я давил. Ядро чувствовало мой страх. Оно не смеялось. Но и не успокаивало. Просто ждало.

Я жив. Пока.

Надо подкачаться, прежде чем идти к Матке.

Я повернул направо.

Лаз был узкий. Пришлось ползти на четвереньках. Камень холодный, но гладкий. Ядро настроено. Но не против.

Запах жареного усиливался. Теперь я различал: дым, дерево, костёр. Мясо. Жир капает на угли. Голоса. Два? Три? Тихо. Бормочут.

Свет впереди. Тёплый. Оранжевый. Лаз закончился. Я высунул голову.

Пещера. Костёр в центре. На вертеле — туша какого-то зверя. Пахнет жиром и дымом. Трое сидят вокруг огня. Люди? Нет. Похожи. Но уши — длинные, заострённые. Кожа — серая. Глаза — жёлтые. Одежда — лохмотья и кожа.

Один точил нож. Второй ел. Третий смотрел прямо на меня.

Третий улыбнулся. Зубы — острые.

— О. Ещё один. Вылезай, слайм. Мы не едим своих. Пока.

Я вылез из лаза. Медленно. Слизь не выпускал. Но улыбался. Широко. Так, как злодеи в аниме — когда знают что-то, чего не знают другие.

— Это вы называли слаймом? — сказал я, не смеясь больше. Голос ровный. Напористый. Без угрозы. Но с весом. — Я — и бог, и дьявол в одном лице.

Тишина.

Трое замерли. Тот, что точил нож, остановил руку. Тот, что ел, перестал жевать. Тот, что улыбался, медленно стёр улыбку с лица.

Жёлтые глаза сузились. Серые уши дёрнулись.

Первый — с ножом — положил клинок на камень. Медленно. Рукоятку к тебе. Не как оружие. Как жест.

— Бог и дьявол... В одном лице. Тогда ты не слайм. Ты то, что Хозяин боится.

Второй — тот, что ел — вытер рот. Смотрел внимательно:

— Если ты бог — почему пахнешь подземельем? Если дьявол — почему не убил тех трёх слизней?

Третий — улыбавшийся — встал. Он выше тебя. Шире. Под лохмотьями — мышцы. Он подошёл на шаг. Наклонил голову:

— Докажи. Съешь что-нибудь. Не мясо. Камень. Или огонь. Или меня.

Я не сводил взгляда с третьего. Он ждал. Трое смотрели.

— Есть ли камни монстров? Сойдёт такое доказательство?

Тот, что точил нож, хмыкнул. Тот, что ел, кривился. Третий — высокий — не смеялся. Он смотрел долго. Потом кивнул:

— Камни монстров... Ты знаешь, что это. Значит, ты не просто мясо из другого мира. Хорошо.

Он повернулся к первому. Кивнул. Тот встал, пошёл в глубь пещеры. Вернулся через минуту. В руках — кожаный мешок. Тяжёлый. Он развязал его и высыпал на камень перед тобой.

Пять камней. Размером с кулак. Мерцают. Разные: красный — горячий на вид, пульсирует. Синий — холодный, манит. Зелёный — живой? Шевелится? Жёлтый — светится ровно. Чёрный — не отражает свет. Смотрит в ответ.

Третий скрестил руки:

— Камни мёртвых монстров. Мы не едим их. Тратим на обмен. Если ты съешь — мы поверим. Если сдохнешь — съедим тебя. Выбирай.

Я смотрел на камни. Потом поднял взгляд на третьего.

— Красный — демон. Синий — мана. Зелёный — эльф. Жёлтый — дворф. А чёрный — человек. Так ведь?

Тишина. Трое замерли. Потом тот, что точил нож, медленно опустил глаза. Тот, что ел, отвёл взгляд. Третий — высокий — не отводил. Он смотрел на меня иначе. Не как на слайма. Как на того, кто знает.

— Ты... — начал он. Осекся. Потом усмехнулся. Криво. — Ты прав. Красный — демон. Синий — мана. Зелёный — эльф. Жёлтый — дворф. Чёрный... — он трогал чёрный камень

кончиком пальца. Отдёрнул. — Чёрный — человек. Самый редкий. Самый опасный. Потому что человек съедает всё. Даже себя.

Он выпрямился:

— Ты знаешь камни. Ты знаешь имена. Ты назвал себя богом и дьяволом. Хорошо. Мы верим. Пока. Но один камень ты съешь. Сейчас. Какой — выбирай сам. И мы увидим, кто ты на самом деле.

Я не смотрел на камни. Я смотрел на них — троих. Серых. Жёлтоглазых. Голодных.

— Давайте так. Вы ставите камни. Вы трое — против меня. А я ставлю свою жизнь. И если я проиграю — то мои камни достанутся вам. Но если выиграю — камни мои. И вы ответите на все мои вопросы.

Тишина. Долгая. Очень долгая.

Первый сжал рукоять. Второй поднялся. Третий — высокий — засмеялся. Тихо. Без веселья.

— Ты безумен. Трое против одного. Ты даже не слайм сейчас. Ты человек. Мясо.

Он сделал шаг вперёд. Наклонился. Посмотрел в глаза:

— Но я уважаю безумие. Хорошо. Три против одного. Без оружия. Без камней. Голыми руками. Если ты выстоишь три вдоха — мы твои. Если упадёшь — съедем.

Он отступил. Трое встали в круг. Камни остались на камне. Ждут.

Первый трещал шеей. Второй ухмылялся. Третий — высокий — поднял кулак:

— Начали.

Первый замахнулся — кулак прямо в лицо. Я ушёл влево. Резко. Камень царапнул плечо. Боль — но терпимо.

Я встал между вторым и третьим. Спина к костру. Лицом к ним. Второй уже бил — справа. Третий — слева. Одновременно. В один и тот же момент.

Я расслабился. Ядро вспыхнуло. Слизь вышла — мгновенно. Тело потекло вниз и в стороны. Кулаки двух прошли сквозь то место, где была моя голова. Их руки встретили друг друга. Хруст. Крик. Кровь на костяшках.

Я — слайм. Прозрачный. Без формы. Но глаза — мои. Видят. Разум — мой. Держит.

Я собрался обратно. Медленно. Слизь тянулась вверх. Формировала ноги. Руки. Голову. Я снова человек. Колени дрожали. Но я стоял.

Первый — с ножом — замер. Второй тряс разбитой рукой. Третий — высокий — смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Жёлтыми. Восхищёнными.

— Один... — шептал он. — Один вдох. Ты выстоял.

Он опустил на одно колено. Потом — второе. Положил кулак на камень. Первый и второй сделали то же. Медленно. Без слов.

Третий поднял голову:

— Ты не бог. Ты не дьявол. Ты что-то другое. Мы твои. Спрашивай.

Камни лежали на камне. Пять. Ждут.

Я смотрел на них. Трое стоят на коленях. Ждут. Я чувствовал — они верят. Пока. Но ложь имеет вес. Я врал уже третий раз. Ядро молчало. Но я чувствовал — оно запоминает. Каждое слово.

— Можно ли воскресить тех, кто умер в этом подземелье? — спросил я. — А то мои силы что-то не работают.

Третий — высокий — поднял голову. Медленно. В жёлтых глазах — что-то. Не страх. Не восторг. Подозрение.

— Ты спрашиваешь нас? — сказал он. Тихо. — Ты бог. Ты дьявол. Ты съел Ядро. Но ты не знаешь, как воскрешать?

Первый — с ножом — хмурился. Второй — отводил взгляд.

Третий встал. Медленно. Он выше тебя. Смотрел сверху:

— Слушай внимательно, Азазель. В этом подземелье не воскрешают. Никто. Даже Хозяин. Мёртвые остаются мёртвыми. Их камни — всё, что остаётся. Если ты не знал этого... — он сделал паузу. — ...то кто ты на самом деле?

Трое смотрели. Молчали. Ждали. Камни лежали на камне. Пять. Холодные.

Я выдержал паузу. Смотрел третьему в глаза. Не отводил.

— Знать я знаю. Но тут сила мешает воскрешать. Даже я не могу использовать именно воскрешение.

Третий молчал. Долго. Потом кривил губы. Не улыбка. Оскал.

— Сила мешает? — повторял он. — В этом подземелье всё мешает. Жить. Дышать. Думать. Но ты говоришь об этом так, будто знал раньше. Будто пробовал раньше. В другом месте.

Он наклонял голову. Серые уши дёргались:

— Ты не бог. Ты не дьявол. Ты — заблудившийся. Но ты съел Ядро. И ты выстоял три вдоха. Этого достаточно. Пока.

Он выпрямился. Смотрел на камни. Потом снова на тебя:

— Воскрешение здесь невозможно. Хозяин запечатал смерть. Всё, что умирает, уходит в Корень. Матка стережёт его. Если ты съешь Матку — смерть ослабнет. Может, тогда твои силы заработают. Может, нет. Но другого пути нет.

Первый поднял голову:

— Мы проведем. До Гнезда Матки. Но дальше — сами. Мы не самоубийцы.

Второй кивнул. Молча.

Я подошёл к камню. Пять камней. Мерцают. Я взял их все. Один за другим. Положил в карман. Тяжёлые. Тёплые. Или холодные — каждый по-своему.

Потом повернулся к троим. Достал из-за пазухи мясо — то, что дали те твари в самом начале. Кусок странный. Серый. Пахнет кислым. Но съедобный.

— Вот. Вам. В качестве извинения.

Я бросил мясо на камень. Перед ними. Трое переглянулись. Третий — высокий — поднял его. Нюхал. Кривился. Но не выбрасывал.

— Мясо слизней... — бормотал он. — Ты странный, Азазель. Боги не извиняются. Дьяволы не делятся. А ты...

Он замолчал. Кивнул. Первый открыл рот, чтобы сказать что-то, но третий качал головой.

— Иди. Прямо. Тоннель за костром. Вниз. Там Гнездо. Мы не пойдём. Но будем слушать. Если закричишь — услышим. Если умрёшь — съедим то, что останется.

Тоннель за костром. Тёмный. Узкий. Вниз. Оттуда тянуло гнилью и чем-то большим. Пульсирует. Медленно. Как сердце.

Ядро внутри вспыхнуло. Голод. Предвкушение.

Я замер на пороге тоннеля. Потом обернулся. Медленно. И засмеялся. Тихо. Низко. Дьявольски. Так, как смеются те, кто знает больше, чем говорит.

— Вот те да... — выдохнул я. — Надо же было к каким-то полукамням забрести. Полулюдям. На голосов не похожи...

Смех стих. Я смотрел на троих. Серых. Жёлтоглазых. Ушастых. Голодных.

— Слушайте-ка. Вы с вашими хозяевами — живы?

Тишина. Долгая. Очень долгая.

Третий — высокий — медленно поднял голову. Жёлтые глаза сузились в щели. Серые уши прижались к черепу. Он не смеялся. Не улыбался. Не рычал.

— Полукамни... — повторял он. Тихо. — Полулюди... — ещё тише. — На голосов не похожи...

Он сделал шаг вперёд. Медленно. Первый — с ножом — схватил его за руку. Второй — встал между вами. Но третий оттолкнул их. Легко. Как котят.

— Ты знаешь слово «голос», — говорил он. Прямо тебе в лицо. — Ты знаешь, что мы не голоса. Ты знаешь, что мы — изгнанные. Ты знаешь слишком много для того, кто только что пришёл.

Он наклонился ближе. Так близко, что ты чувствовал запах его дыхания. Мясо. Дым. Что-то ещё. Металл?

— Хозяин мёртв, — говорил он. — Матка съела его. Три луны назад. Мы служим никому. Мы едим всё, что найдём. И ждём. Тебя.

Он выпрямился. Отступил. Скрестил руки:

— Теперь ты ответишь. Кто ты? Откуда знаешь про голосов? И почему мы должны верить тебе после трёх ложей?

Я поднял руку. Пять камней в кармане. Тёплые. Холодные. Живые. Мёртвые. Я чувствовал их через ткань. Ядро вспыхнуло. Новое. Незнакомое. Но твоё.

— О ребята, вы же, совсем озверели? Я вам даже мясо не нужно. Так не нужно.

Я вынул камни. Положил их на камень. Пять. В ряд. Я касался первого — красного. Закрыв глаза.

Жизненная сила текла из меня в камень. Не магия. Не заклинание. Просто воля. Просто жизнь. Я отдавал. Немного. Совсем чуть-чуть.

Красный вспыхнул. Ярко. Алым. Потом тускнел. Но не гас. Дышит. Ждёт.

Я касался синего. То же. Холод отвечал. Теплом. Льдом. Паром.

Зелёный. Живой. Шевелился сильнее. Пустил росток? Нет. Показалось.

Жёлтый. Тёплый. Тяжёлый. Каменный. Крепкий.

Чёрный. Последний. Я касался его. Долше всех. Секунду. Две. Три. Он не отвечал. Смотрел. В ответ. Внутрь тебя.

Прошло пять минут. Ровно.

Камни лежали перед тобой. Пять. Изменённых. Живых. Связанных с тобой. Ты чувствовал их. Каждый. Как палец на руке. Как зуб во рту.

Трое смотрели. Молчали. Ждали.

Третий — высокий — опустился на колено. Снова. Медленно. Без слов. Первый и второй — за ним.

— Ты... — шептал третий. — Ты дал им жизнь. Ты не съел их. Ты не взял их силу. Ты отдал свою. Зачем?

Он поднимал голову. Жёлтые глаза блестели. Не слезами. Голодом. Другим. Новым.

Я чувствовал камни. Пять. Живых. Связанных. Моих. Я знал — воскрешение здесь невозможно. Хозяин запечатал смерть. Матка стережёт Корень. Но я — не Хозяин. Я — Азель. Я — тот, кто ест.

— Запускаем новый процесс. Воскрешение. На пять минут.

Я касался всех пяти камней сразу. Ладонь накрыла их. Ядро вспыхнуло белым. Не красным. Не синим. Белым. Пустым. Голодным.

Я тянул. Не из камней. Из подземелья. Из стен. Из воздуха. Из смерти. Я рвал печать. Не до конца. На пять минут. Пять.

Первая минута.

Красный камень трескался. Из трещины выходил дым. Алый. Горячий. Дым собирался в фигуру. Низкую. Широкую. Рогатую. Демон. Мёртвый. Теперь — нет.

Он открывал глаза. Пустые. Белые. Смотрел на тебя. Ждал.

Вторая минута.

Синий взрывался льдом. Осколки летели в стороны. Но не ранили. Собирались в женщину. Высокую. Тонкую. С посохом. Маг. Мёртвый. Теперь — нет.

Она смотрела. Молчала. Кивала.

Третья минута.

Зелёный прорастал лозой. Лоза обвивала камень. Стягивалась в юношу. Стройного. С луком. Эльф. Мёртвый. Теперь — нет.

Он улыбался. Криво. Как ты.

Четвёртая минута.

Жёлтый гудел. Камень раскалывался. Из него выходил короткий. Крепкий. С бородой. С молотом. Дворф. Мёртвый. Теперь — нет.

Он фыркал. Смотрел на тебя. Сверху вниз. Хотя ниже.

Пятая минута.

Чёрный молчал. Дольше всех. Потом — трещина. Тонкая. Как волос. Из неё — ничего. Пустота. Потом — рука. Человеческая. Молодая. Женская. Вылезала. Цеплялась за край. Тянула тело.

Девушка. Лет двадцати. Тёмные волосы. Бледная. Глаза — серые. Как камень. Как ты.

Она встала. Смотрела на тебя. Долго. Потом:

— Ты... воскресил нас?

Пять минут. Кончаются. Сейчас.

Но пятеро не исчезали. Ядро довольно урчало. Я чувствовал — связь есть. Крепкая. На этот раз.

Третий — высокий полуэльф — подходил сзади. Клал руку на плечо:

— Ты собрал отряд, — говорил он. Тихо. — Мёртвых. Живых. Своих. Теперь — иди. Матка ждёт. И она уже чувствует тебя.

Я стоял в кругу пятерых. Они дышат. Смотрят. Ждут. Я чувствовал их сквозь Ядро — нити. Тонкие. Но крепкие. Не рвутся.

Я хмурился. Смотрел на свои руки. Потом — внутрь. Туда, где Ядро.

— Хм. А я думал, они исчезнут через пять минут. Почему же так получилось?

Ядро отвечало. Не словами. Ощущением. Тёплым. Довольным. Как сытый кот.

Я понимал:

— Воскрешение здесь невозможно. Я прав. Но я не воскрешал. Я дал им жизнь из себя. Свою. Не их. Они — не живые. Они — продолжение меня. Мои руки. Мои глаза. Мои смертные псы. — Пять минут — это был не срок их жизни. Это был срок печати, которую я порвал. Я не создал их заново. Я вытащил их из Корня. Матка не успела забрать их обратно. Теперь они — мои. Навсегда. Пока я жив. — Если я умру — они умрут. Все. Сразу. Обратно в Корень. Без меня их нет.

Девушка — человек — подходила ближе. Серые глаза смотрели в твои:

— Ты не знал, — говорила она. Не вопрос. Утверждение. — Ты сделал это вслепую. Ядро знало. Ты — нет. Оно использует тебя. Ты знаешь это?

Полуэльф сзади кашлял. Тихо. Нервно.

Я усмехнулся. Криво. Как эльф. Смотрел на девушку. Потом — на полуэльфа. Потом — внутрь. Туда, где Ядро.

— Хэ. А я — его взаимодействие.

Ядро вспыхнуло. Не теплом. Холодом. Острым. Как лёд. Как предупреждение.

Я чувствовал — оно поняло. И приняло. Или сделало вид. С Ядром не поймёшь. Пока.

Девушка кивала. Медленно. Серые глаза не мигали:

— Взаимодействие... — повторяла она. — Ты даёшь ему тело. Оно даёт тебе силу. Но кто из вас главный?

Демон — рогатый — фыркал:

— Какая разница? Идём уже. Матка не будет ждать вечно.

Маг — женщина с посохом — поднимала руку. Лёд на кончиках пальцев таял. Капли падали на камень. Шипели:

— Подожди. Сначала — план. Матка не просто зверь. Она — сердце Гнезда. Если умрёт она — умрёт всё. Мы — тоже?

Дворф стучал молотом о камень:

— Не умрём. Если он съест её ядро — станет сильнее. Мы — его. Мы выживем.

Эльф смотрел на тебя. Криво улыбался:

— Ты уже решал, Азазель? Или Ядро решает за тебя?

Полуэльф сзади делал шаг вперёд. Клал руку на плечо:

— Пора. Тоннель внизу. Матка чувствует нас. Она голодна. Она жрала три луны без Хозяина. Она слаба. Но зла.

Я стоял на пороге. Пятеро за спиной. Полуэльф рядом. Тоннель внизу. Матка ждала.

Я улыбнулся. Широко. Злостно. До ушей.

— Хэ. Да. Но у вас есть один минус. Убьёте меня — сами умрёте. Или переместитесь в новый мир. Со мной. Выбор за вами. Помогаете мне — и живёте. Убиваете меня — и там сами решите: со мной или как.

Тишина. Густая. Как смола.

Демон — рогатый — первый. Смотрел на свои руки. Сжимал кулаки. Разжимал. Пламя на кончиках пальцев дрожало. Гасло:

— Я уже умирал однажды, — рычал он. — Второй раз — не страшно. Ты дал мне минуту. Я отдам тебе её обратно. Пошли.

Маг — женщина с посохом — качала головой. Медленно. Лёд на её пальцах таял:

— Я видела смерть. Там пусто. Хуже, чем здесь. Ты вернул меня. Я не предаю. Пока.

Эльф — юноша с луком — улыбался криво. Как ты:

— Ты странный. Мне нравится. Идём.

Дворф — короткий. Крепкий. С молотом — сплёвывал на камень:

— Я не люблю богов. И дьяволов. Но ты — ни то, ни другое. Ладно. Один бой. Посмотрим.

Девушка — человек. Серые глаза. — молчала. Дольше всех. Смотрела на тебя внимательно. Потом:

— Ты сказал — новый мир. Я пойду. Но не потому, что боюсь смерти. Потому что хочу увидеть, чем ты станешь. Азазель.

Пять минут истекают. Камни тускнеют. Но пятеро не исчезают. Ядро довольно урчит. Я чувствую — связь есть. Крепкая. На этот раз.

Третий — высокий полуэльф — подходит сзади. Кладёт руку на плечо:

— Ты собрал отряд, — говорит он. Тихо. — Мёртвых. Живых. Своих. Теперь — иди. Матка ждёт. И она уже чувствует тебя.

Я делаю шаг в тоннель. Пятеро — за мной. Полуэльф — рядом. Темнота смыкается.

Впереди — Гнездо. Матка. Смерть.

И, может быть, — сила.

Глава 2 "Первый шаг вниз"

Тоннель дышал.

Я чувствовал это кожей — не холод, не сырость, а именно дыхание. Медленное. Тёплое. Как будто стены втягивали воздух и выталкивали обратно. Ядро внутри отзывалось тем же ритмом. Пульс в пульс. Я не знал, кто подстраивается под кого. Может, мы оба. Может, никто.

Пятеро шли за мной. Я слышал их шаги — разные. Демон ступал тяжело, будто каждый камень под ним должен был треснуть. Маг — почти беззвучно, только лёд на её посохе поскрипывал. Эльф — мягко, пружинисто. Дворф — гулко, ворчливо. Девушка — ровно. Как человек, который умеет ходить тихо, но не видит смысла скрываться.

Полуэльф — третий — держался рядом. Не впереди, не сзади. Сбоку. Как тот, кто уже решил идти, но ещё не решил, кому верить.

Стены сужались. Грибы здесь были другие — не сине-зелёные, а тускло-бурые. Свет от них — как от остывающих углей. Достаточно, чтобы видеть силуэты. Недостаточно, чтобы видеть лица.

— Долго идти? — спросил я.

Полуэльф не ответил сразу. Он смотрел вперёд, в темноту.

— До первого Гнезда — полдня. Может, меньше. Тоннели путаются. Но Матка чувствует нас. Она может прислать. Или открыть путь. Или закрыть.

— А если закроет?

— Тогда будем искать другой.

— А если другого нет?

Полуэльф замолчал. Потом:

— Тогда будем прорываться.

Я кивнул. Ядро довольно шевельнулось. Голод. Тихо. Пока.

Демон сзади фыркнул:

— Много вопросов. Мало идём.

— Много идём, — ответил я, не оборачиваясь. — Мало знаем.

Демон что-то пробормотал. Пламя на его пальцах вспыхнуло и погасло. Я не стал оборачиваться. Ядро подсказывало — не оборачивайся. Пусть думает, что ты не боишься.

Я боялся. Но не показывал.

Тоннель вёл вниз. Уклон был мягкий, почти незаметный. Но колени чувствовали. И лёгкие. Воздух становился гуще. Тяжелее. Как будто мы спускались не вниз, а глубже — в чью-то грудь.

Через час — или два, я не считал — тоннель расширился. Камень сменился землёй. Мокрой, утрамбованной. На стенах появились корни. Толстые. Извилистые. Они пульсировали. Медленно. Как вены.

Маг остановилась. Первая. Подняла посох. Лёд на конце вспыхнул голубым.

— Корни, — сказала она. — Мы близко. Это Корень Гнезда. Матка стережёт его. Дальше — её территория.

— Твоя территория? — переспросил дворф. — Мы уже на её территории. С самого начала.

— Нет, — маг качала головой. Лёд на посохе тускнел. — Сначала — нейтральная зона. Тоннели. Лазы. Пещеры. Здесь — уже её. Корни — её руки. Она видит через них. Слышит. Чувствует.

Я посмотрел на корни. Они пульсировали. Медленно. Как сердце. Как Ядро.

— Она знает, что мы здесь, — сказал я.

— Знает, — маг кивнула. — Но не знает, кто мы. И сколько нас. Корни чувствуют движение. Но не различают.

— Тогда идём тихо, — сказал я. — Без резких движений. Без магии. Без огня.

Демон фыркнул громче прежнего:

— Без огня? Я — демон. Я не могу без огня.

— Можешь, — сказал я. — Просто не гори.

Демон уставился на меня. Жёлтые глаза — нет, у демона глаза были красные. Как угли. Он смотрел долго. Потом улыбнулся. Криво. Зло.

— Ты мне не командир, — сказал он. — Ты — слайм, который случайно что-то съел. Я видел таких. Они заканчивают одинаково. В чём-то желудке.

Он поднял руку. Пламя вспыхнуло. Яркое. Красно. Осветило тоннель. Корни вздрогнули. Пульс ускорился.

Маг отшатнулась. Эльф натянул тетиву — рефлекторно. Дворф схватился за молот. Девушка — человек — не двинулась. Только смотрела. На меня.

Я не отвёл взгляда от демона.

— Потуши.

— Нет.

— Потуши, — повторил я. Ровно. Без угрозы. Но с весом.

Демон засмеялся. Тихо. Рычаще. Пламя на его руке росло.

— Или что? Съешь меня? Как тех трёх? Как камни? Ты не бог. Ты не дьявол. Ты — маленький человек, который слишком много о себе возомнил. Я видел богов. Настоящих. Они не спрашивают. Они берут. А ты — просишь. Значит, ты никто.

Тишина. Корни пульсировали быстрее. Я чувствовал, как Матка где-то далеко — или близко — поворачивает голову. Слушает.

Я не стал спорить. Не стал кричать. Не стал доказывать.

Я просто расслабился.

Слизь вышла. Медленно. Не как в пещере с полуэльфами. Не рывком. А плавно. Кожа потекла. Пальцы удлинились. Рука вытянулась — не на три метра. На полтора. Обтекла руку демона. Пламя зашипело. Погасло. Слизь не горела. Слизь просто забирала воздух.

Демон дёрнулся. Хотел отступить. Но слизь держала. Не сильно. Достаточно.

— Я не прошу, — сказал я. Голос мой. Обычный. Только чуть глубже. — Я говорю. Разница есть. Ты можешь не слушать. Но тогда ты идёшь один. Без нас. Без меня. Без связи. И когда Матка найдёт тебя — а она найдёт — ты умрёшь. По-настоящему. Не на пять минут. Навсегда.

Я втянул слизь. Рука снова стала рукой. Демон стоял. Смотрел на свою ладонь. Пламя не возвращалось. Он сжал кулак. Разжал. Медленно.

— Ты... — начал он.

— Я — Азазель, — сказал я. — Ты — демон. У тебя нет имени. Пока. Будешь слушать — будет имя. Не будешь — останешься безымянным. Как все.

Демон молчал. Долго. Потом опустил голову. Не поклон. Просто кивок. Один.

— Ладно, — сказал он. Тихо. — Пока.

Ядро внутри урчало. Довольно. Но я чувствовал — демон не сдался. Он ждёт. Он ищет момент. Ядро чувствовало это тоже. И запоминало.

Маг опустила посох. Лёд погас.

— Идём, — сказала она. — Тихо.

Мы пошли. Тихо.

Корни становились толще. Пульс — быстрее. Воздух — гуще. Я чувствовал, как Матка дышит где-то впереди. Не зло. Не голодно. Просто дышит. Как гора. Как море. Как что-то, что было здесь до нас и будет после.

Мы вышли в зал.

Огромный. Круглый. Потолок терялся в темноте. Стены — сплошь корни. Они сплетались, расходились, снова сплетались. В центре — колодец. Чёрный. Глубокий. Из него тянуло холодом и чем-то старым. Не гнилью. Пылью. Как из заброшенной библиотеки.

Вокруг колодца — фигуры. Пять. Нет. Шесть. Стоят. Не двигаются. Ждут.

Полуэльф остановился. Положил руку мне на плечо.

— Стражи, — сказал он. — Корневые. Матка поставила их. Они не живые. Но и не мёртвые. Они — как корни. Растут. Слушают. Убивают.

— Сколько их?

— Шесть. Всегда шесть. Пока Матка не позовёт.

Я смотрел на фигуры. Они были похожи на людей. Только слишком тонкие. Слишком длинные. Руки — до колен. Головы — гладкие. Без глаз. Без рта. Без ушей. Только кожа. Серая. Как кора.

Они не двигались. Но я чувствовал — они знают. Мы здесь.

— Они нас пропустят? — спросил дворф.

— Нет, — полуэльф качал головой. — Они пропускают только мёртвых. Или тех, кто несёт смерть.

— Я несу смерть, — сказал демон. — Я — демон.

— Ты — живой, — полуэльф смотрел на него. — Они чувствуют жизнь. Жизнь — это движение. Движение — это угроза.

Демон хотел что-то сказать. Я поднял руку. Он замолчал. Не потому, что послушался. Потому, что увидел моё лицо. Я не улыбался. Не хмурился. Я просто смотрел на стражей.

Ядро внутри подсказывало. Не словами. Ощущением. Эти фигуры — не враги. Они — часть Корня. Часть Матки. Они не думают. Они реагируют. На жизнь. На смерть. На Ядро.

Я сделал шаг вперёд.

Полуэльф схватил меня за руку:

— Стой. Они убьют.

— Не убьют, — сказал я. — Я — не жизнь. Я — не смерть. Я — Ядро.

Я не был уверен. Ядро было. Оно пульсировало ровно. Спокойно. Как будто знало, что делает.

Я сделал второй шаг. Третий.

Стражи не двигались. Но их головы — гладкие, без глаз — повернулись. Все шесть. В мою сторону. Медленно. Синхронно.

Я остановился. В десяти шагах. Как тогда, с тварями. Как тогда, с полуэльфами.

Один из стражей — ближайший — сделал шаг вперёд. Деревянный. Скрежешущий. Как будто корни под кожей двигались. Он наклонил голову. Прислушался. Ко мне. К Ядру.

Ядро вспыхнуло. Теплом. Но не наружу. Внутрь. Как будто пряталось.

Страж выпрямился. Повернулся. Пошёл обратно. К колодцу. Остальные — за ним. Синхронно. Медленно.

Полуэльф выдохнул. Демон что-то пробормотал. Маг опустила посох. Дворф сплюнул. Эльф улыбнулся. Девушка — человек — смотрела на меня. Внимательно. Как всегда.

— Они тебя не тронули, — сказала она. — Почему?

— Не знаю, — сказал я. Честно.

Ядро молчало. Но я чувствовал — оно знает. И не говорит. Пока.

Мы прошли мимо стражей. Они стояли вокруг колодца. Не двигались. Не смотрели. У них не было глаз. Но я чувствовал их внимание. Как будто кожа на затылке зудела.

Колодец был глубокий. Чёрный. Я заглянул. Внизу — ничего. Только темнота. И холод. И тишина. И где-то очень далеко — пульс. Медленный. Тяжёлый. Как сердце. Как Матка.

— Это вход? — спросил я.

— Нет, — полуэльф качал головой. — Это выход. Матка живёт ниже. Гораздо ниже. Колодец ведёт в Корень. Но туда нельзя. Пока.

— Почему?

— Потому что Корень — это смерть. Всё, что умирает в Гнезде, уходит туда. Если ты живой — ты умрёшь. Если мёртвый — останешься. Навсегда.

Я смотрел в колодец. Темнота смотрела в ответ. Я чувствовал — Ядро хочет туда. Тянется. Как растение к свету. Только наоборот. Как растение к тьме.

— А как же Матка?

— Матка — не в Корне. Матка — над Корнем. Она стережёт. Она — дверь. Если съешь её — дверь откроется. Или закроется. Никто не знает.

Я кивнул. Ядро внутри пульсировало быстрее. Голод. Предвкушение. Я чувствовал — оно хочет Матку. Не из-за силы. Из-за чего-то другого. Чего-то, что я пока не понимал.

Мы пошли дальше. Тоннель за колодцем. Уже. Темнее. Корни здесь были тонкие. Сухие. Мёртвые. Они не пульсировали. Они просто висели. Как волосы.

Через некоторое время тоннель раздвоился. Налево — узкий лаз. Вниз. Оттуда тянуло теплом. Живым. Направо — широкий проход. Ровный. Оттуда — холод. И тишина. И что-то ещё. Запах. Знакомый. Жареное мясо. Дым. Костёр.

Я остановился. Ядро насторожилось. Не голод. Осторожность.

— Налево — Гнездо, — сказал полуэльф. — Матка. Направо — не знаю. Я не ходил туда.

— Почему?

— Потому что оттуда никто не возвращался.

Я смотрел направо. Запах жареного. Дым. Костёр. Кто-то там есть. Кто-то живой. Или что-то. Ядро не подсказывало. Ядро просто ждало. Как всегда.

— Идём направо, — сказал я.

Полуэльф посмотрел на меня. Долго. Потом кивнул. Не спросил почему. Просто кивнул. Демон фыркнул:

— Ты уверен? Там может быть смерть.

— Здесь везде смерть, — сказал я. — Но там — еда. А я голоден.

Демон замолчал. Пламя на его пальцах дрогнуло. Погасло.

Мы пошли направо. Тоннель был ровный. Широкий. Камень — гладкий. Как будто его отполировали. Или протоптали. Много ног. Много лет.

Запах усиливался. Теперь я различал голоса. Два. Три. Четыре. Много. Тихие. Спокойные. Как будто люди — или не люди — сидят вокруг костра и говорят о чём-то обыденном. О еде. О погоде. О том, что было. О том, что будет.

Свет впереди. Оранжевый. Тёплый. Я вышел из тоннеля.

Пещера. Большая. Костёр в центре. На вертеле — туша. Пахнет жиром и дымом. Вокруг огня — фигуры. Семь. Восемь. Девять. Я не считал. Они сидели. Ели. Говорили. Не замечали нас.

Полуэльф замер. Демон напрягся. Маг подняла посох. Дворф схватился за молот. Эльф натянул тетиву. Девушка — человек — просто смотрела.

Я сделал шаг вперёд.

Одна из фигур — ближайшая — повернула голову. Женщина. Нет. Не женщина. Что-то среднее. Серая кожа. Жёлтые глаза. Уши — длинные. Как у полуэльфов. Но длиннее. Острее. Она смотрела на меня. Долго. Потом улыбнулась. Зубы — острые. Как у тех троих. Как у всех здесь.

— О, — сказала она. Голос — низкий. Спокойный. — Ещё один. Вылезай, слайм. Мы не едим своих. Пока.

Я не вылез. Я стоял на пороге. Смотрел на них. Девять. Может, десять. Они ели. Говорили. Не обращали внимания. Как будто я — не угроза. Как будто я — никто.

Ядро внутри молчало. Не подсказывало. Не предупреждало. Просто ждало.

— Я — Азазель, — сказал я. — Я — бог этого подземелья. И я пришёл сюда, чтобы вы служили мне.

Тишина. Долгая. Очень долгая.

Потом женщина засмеялась. Тихо. Без веселья. Остальные — за ней. Смех раскатился по пещере. Как гром. Как камнепад. Как что-то, что не боится.

— Бог? — сказала женщина. — Здесь нет богов. Здесь есть Матка. И есть мы. И есть еда. Ты — еда. Пока.

Она встала. Медленно. Остальные — за ней. Синхронно. Как стражи у колодца. Но эти — живые. Эти — думали.

— Уходи, — сказала женщина. — Или останься. Но если останешься — будешь есть с нами. Или нас. Или мы тебя. Выбирай.

Я стоял. Ядро молчало. Пятеро за спиной — ждали. Полуэльф — рядом. Смотрел на меня. Как будто спрашивал: что теперь?

Я не знал. Я не был богом. Я не был дьяволом. Я был человеком, который съел что-то, что дало ему силу. Но сила — не власть. Сила — это возможность. А возможность — это не всегда ответ.

Я сделал шаг назад.

— Мы уходим, — сказал я.

Женщина кивнула. Медленно. Как будто ожидала. Как будто знала. Как будто всё это было не важно.

— Уходи, — сказала она. — Но помни. Ты вернёшься. Все возвращаются. Рано или поздно.

Я повернулся. Пятеро — за мной. Полуэльф — рядом. Мы ушли. В тоннель. В темноту. В холод. В тишину.

Я не оглянулся. Но чувствовал — они смотрят. Все. Девять. Может, десять. Смотрят. И ждут.

Ядро внутри молчало. Но я чувствовал — оно довольно. Не потому, что я ушёл. Потому, что я вернусь. Рано или поздно.

Мы шли обратно. К развилке. Молча. Каждый думал о своём. Демон — о пламени. Маг — о льде. Эльф — о стрелах. Дворф — о молоте. Девушка — о чём-то. О чём — я не знал. Полуэльф — о том, что видел. Я — о том, что будет.

У развилки мы остановились. Налево — Гнездо. Матка. Смерть. Направо — те. Девять. Может, десять. Еда. Костёр. Смех.

Я смотрел налево. Ядро пульсировало быстрее. Голод. Предвкушение. Я чувствовал — Матка ждёт. Не зло. Не голодно. Просто ждёт. Как гора. Как море. Как что-то, что было здесь до нас и будет после.

— Идём налево, — сказал я.

Полуэльф кивнул. Демон фыркнул. Маг опустила посох. Дворф сплюнул. Эльф улыбнулся. Девушка — человек — смотрела на меня. Внимательно. Как всегда.

— Ты уверен? — спросила она.

— Нет, — сказал я. Честно. — Но выбора нет.

Она кивнула. Медленно. Как будто ожидала. Как будто знала.

Мы пошли налево. Вниз. В темноту. В Гнездо. В смерть.

И, может быть, — в силу.

Глава 3 "Цепь"

Тоннель вниз был не похож на остальные. Не камень, не земля. Что-то среднее. Мягкое. Как будто мы шли по чему-то, что когда-то было живым. Или ещё было. Я не хотел думать об этом.

Ядро пульсировало ровно. Спокойно. Как будто мы шли домой.

Я не чувствовал дома. Я чувствовал холод. И голод. Свой. Не Ядра.

Мы шли молча. Долго. Может, час. Может, два. Тоннель не раздваивался. Не расширялся. Не сужался. Просто вёл вниз. Ровно. Терпеливо. Как будто знал, что мы никуда не денемся.

Демон шёл последним. Я слышал его шаги. Тяжёлые. Медленные. Он отставал. С каждым шагом — на полшага. На шаг. На два.

Я не оборачивался. Ядро подсказывало — не оборачивайся. Пусть думает, что ты не замечаешь. Пусть думает, что тебе всё равно.

Мне не было всё равно. Но я не оборачивался.

Потом шаги стихли. Совсем. Тишина. Только дыхание пятерых. Четверых. Трех.

Я остановился. Обернулся.

Демон сидел. На камне. У стены. Спина прямая. Руки на коленях. Пламя на пальцах — не горело. Погасло. Совсем.

— Я никуда не иду, — сказал он. Голос ровный. Спокойный. Как будто решил давно. Как будто ждал, когда мы заметим.

Тишина. Долгая. Очень долгая.

Маг остановилась. Лёд на посохе дрогнул. Эльф натянул тетиву — реффлекторно. Дворф схватился за молот. Девушка — человек — просто смотрела. На меня. Как всегда.

Полуэльф сделал шаг к демону. Потом ещё один. Остановился. Посмотрел на меня. Ждал.

Я не двинулся. Я смотрел на демона. Он смотрел на меня. Красные глаза. Как угли. Только не горячие. Остывшие.

— Ты не можешь остаться, — сказал я.

— Могу, — сказал он. — Я уже остался.

— Ты связан. Ты — мой. Если я уйду — ты умрёшь.

— Знаю, — демон кивнул. Медленно. — Ты говорил. В пещере. Помнишь? «Убьёте меня — сами умрёте». Я не убиваю. Я просто не иду. Разница есть.

Ядро внутри дрогнуло. Не голод. Что-то другое. Что-то, что я не сразу понял. Цепь. Я чувствовал её. Тонкую. Но крепкую. Она тянулась от меня к демону. Натягивалась. Но не рвалась. Пока.

— Ты умрёшь здесь, — сказал я. — Один. Без еды. Без огня. Без нас.

— Умру, — согласился демон. — Но не сразу. А ты — уйдёшь. И будешь знать. Что я не пошёл. Что я не твой. Что цепь — не всегда поводок.

Он замолчал. Смотрел на меня. Ждал. Как будто проверял. Как будто хотел увидеть, что я сделаю.

Я мог заставить. Мог выпустить слизь. Мог схватить. Мог тащить. Ядро подсказывало — можешь. Сила есть. Цепь держит. Он не вырвется.

Я не стал.

— Ладно, — сказал я. — Оставайся.

Демон моргнул. Один раз. Медленно. Как будто не ожидал.

— Ты... отпускаешь?

— Я не отпускаю, — сказал я. — Я оставляю. Разница есть. Ты — не мой. Ты — сам по себе. Пока цепь держит — держит. Порвётся — порвётся. Мне не нужны те, кто идёт за мной из-под палки.

Демон смотрел. Долго. Потом улыбнулся. Криво. Как эльф. Как я. Как все здесь.

— Ты странный, Азазель, — сказал он. — Боги не оставляют. Боги наказывают. Дьяволы — убивают. А ты... оставляешь.

— Я не бог, — сказал я. — Я не дьявол. Я — тот, кто ест. Помнишь? Ты сам сказал.

Демон кивнул. Медленно. Потом закрыл глаза. Пламя на его пальцах вспыхнуло. Слабо. Тускло. Но вспыхнуло.

— Иди, — сказал он. — Матка ждёт.

Я повернулся. Пошёл. Пятеро — за мной. Четверо. Трое.

Полуэльф — рядом. Смотрел на меня. Внимательно. Как будто видел впервые.

— Ты мог его заставить, — сказал он. Тихо.

— Мог, — сказал я.

— Почему не заставил?

Я не ответил сразу. Ядро внутри молчало. Цепь натягивалась. Тонкая. Крепкая. Я чувствовал демона позади. Он сидел. Не двигался. Ждал. Может, смерти. Может, меня. Может, чего-то другого.

— Потому что цепь — не поводок, — сказал я. — Я не хочу, чтобы за мной шли на верёвке. Я хочу, чтобы шли сами.

Полуэльф замолчал. Долго. Потом:

— А если не пойдут?

— Тогда пойду один.

— А мы?

Я посмотрел на него. Серые глаза. Жёлтые зрачки. Уши — длинные. Заострённые. Как у всех здесь. Как у тех троих. Как у демона. Как у всех.

— Вы — решите сами, — сказал я. — Как демон. Как все.

Полуэльф не ответил. Просто шёл. Рядом. Молча.

Тоннель вёл вниз. Ещё ниже. Воздух — гуще. Тяжелее. Как будто мы спускались не в Гнездо, а в чью-то грудь. В чьё-то сердце.

Эльф шёл последним. Я слышал его шаги. Мягкие. Пружинистые. Как у кота. Но злые. Как у кота, которого пнули.

Он молчал. Долго. Может, час. Может, два. Я не считал.

Потом заговорил.

— Ты не командир.

Я не обернулся. Шёл дальше.

— Ты слышишь? — эльф говорил громче. — Ты не командир. Ты — слайм. Ты — мясо. Ты съел что-то, что дало тебе силу. Но сила — не власть. Ты не бог. Ты не дьявол. Ты — никто.

Я остановился. Обернулся.

Эльф стоял. Лук в руке. Стрела на тетиве. Не натянута. Но готова. Глаза — зелёные. Как у всех эльфов. Как у тех, кого я не видел. Как у тех, кого я знал только по камням.

— Я тебе не слуга, — сказал он. — Я не твой. Я не «продолжение». Я не «рука». Я — эльф. Я — охотник. Я — тот, кто убивал таких, как ты. До того, как умер. И после.

Тишина. Долгая. Очень долгая.

Маг остановилась. Дворф схватился за молот. Девушка — человек — просто смотрела. На меня. Как всегда. Полуэльф — рядом. Ждал.

Я не стал спорить. Не стал кричать. Не стал доказывать.

— Хорошо, — сказал я. — Ты не слуга. Ты не мой. Ты — сам по себе.

Эльф моргнул. Один раз. Как демон. Как будто не ожидал.

— Ты... согласен?

— Я не согласен, — сказал я. — Я просто не спору. Ты хочешь идти сам — иди. Хочешь остаться — оставайся. Хочешь убить меня — попробуй. Цепь держит. Если убьёшь — умрёшь. Но ты это знаешь.

Эльф смотрел. Долго. Потом опустил лук. Стрела вернулась в колчан. Медленно. Как будто нехотя.

— Ты странный, — сказал он. — Я думал, ты будешь кричать. Угрожать. Как все.

— Я не все, — сказал я. — Я — Азазель. Помнишь?

Эльф не ответил. Просто пошёл. Вперёд. Мимо меня. Первым. Как будто показывал — я не за тобой. Я сам.

Я не стал его останавливать. Ядро внутри молчало. Цепь натягивалась. Тонкая. Крепкая. Я чувствовал эльфа впереди. Он шёл. Не оглядывался. Но шёл. Пока.

Полуэльф подошёл. Ближе. Тихо.

— Он вернётся, — сказал он.

— Знаю, — сказал я.

— Или уйдёт.

— Знаю.

Полуэльф замолчал. Потом:

— Ты не боишься?

— Боюсь, — сказал я. Честно.

— Почему не показываешь?

— Потому что показывать — значит давать им силу. А у них и так много.

Полуэльф кивнул. Медленно. Как будто понял. Или сделал вид.

Дворф шёл рядом. Долго. Молча. Я чувствовал его. Тяжёлый. Крепкий. Как камень. Как молот. Как что-то, что не гнётся.

Потом заговорил.

— Я тоже не слуга.

Я не обернулся. Шёл дальше.

— Слышишь? — дворф говорил громче. — Я не слуга. Я не твой. Я — дворф. Я — кузнец. Я — тот, кто делал оружие для королей. До того, как умер. И после.

Я остановился. Обернулся.

Дворф стоял. Молот в руке. Не замахнулся. Но держал. Крепко. Как будто готов.

— Я иду с тобой, — сказал он. — Но не потому, что ты бог. Не потому, что ты дьявол. Потому, что Матка — зло. Она жрёт всех. И я хочу её убить. Не ради тебя. Ради себя.

Тишина. Долгая. Очень долгая.

Маг остановилась. Эльф — впереди — обернулся. Девушка — человек — просто смотрела. На меня. Как всегда. Полуэльф — рядом. Ждал.

Я не стал спорить. Не стал кричать. Не стал доказывать.

— Хорошо, — сказал я. — Ты идёшь ради себя. Я иду ради себя. Мы идём вместе. Пока по пути.

Дворф смотрел. Долго. Потом кивнул. Один раз. Медленно.

— Пока по пути, — повторил он. — Ладно.

Он повернулся. Пошёл. Но не вперёд. Назад. К эльфу. Нет. Мимо эльфа. К девушке.

Он остановился перед ней. Посмотрел. Снизу вверх. Она выше. Но он — крепче. Как камень.

— Ты, — сказал он. — Идёшь со мной.

Девушка — человек — смотрела на него. Долго. Потом на меня. Потом снова на него.

— Почему? — спросила она.

— Потому что ты — человек, — сказал дворф. — Как я. Как он. — Он кивнул на меня. — Но он — не человек. Он — что-то другое. А ты — человек. Ты пойдёшь со мной. Мы — вместе.

Девушка молчала. Долго. Очень долго. Ядро внутри дрогнуло. Цепь натянулась. Тонкая. Крепкая. Я чувствовал её. Она тянулась от меня к девушке. К эльфу. К магу. К дворфу. К полуэльфу. Ко всем. Ко всем, кто шёл. Ко всем, кто остался.

Девушка посмотрела на меня. Серые глаза. Как камень. Как я. Как все.

— Хорошо, — сказала она. — Я пойду с ним.

Тишина. Долгая. Очень долгая.

Я не стал спорить. Не стал кричать. Не стал доказывать.

— Хорошо, — сказал я.

Дворф кивнул. Девушка кивнула. Они отошли. В сторону. Ближе к стене. Дальше от меня. Как будто между нами — черта. Невидимая. Но настоящая.

Ядро внутри молчало. Цепь натягивалась. Тонкая. Крепкая. Я чувствовал их. Всех. Они шли. Не за мной. Рядом. Пока.

Маг подошла. Ближе. Тихо.

— Я — камень маны, — сказала она. — Ты это знаешь. Ты чувствуешь. Я — не живая. Я — не мёртвая. Я — то, что осталось. Ты дал мне форму. Но не жизнь. Я — твоя. Пока.

Я смотрел на неё. Женщина. Высокая. Тонкая. С посохом. Лёд на конце. Тает. Капает. Шипит.

— Ты — не камень, — сказал я. — Ты — маг. Ты была магом. До того, как умерла. И после.

— Нет, — она качала головой. — Я — камень. Я — тапа. Я — то, что ты вдохнул в мёртвый кристалл. Я — не она. Я — то, что ты сделал.

Ядро внутри дрогнуло. Не голод. Что-то другое. Что-то, что я не сразу понял. Правда. Она говорила правду. Я чувствовал. Цепь тянулась от меня к ней. Тонкая. Крепкая. Но не как к живой. Как к руке. Как к пальцу. Как к чему-то, что — моё. Не её.

— Ты помнишь? — спросил я. — До. Кем ты была?

Маг молчала. Долго. Потом:

— Нет. Только холод. Только лёд. Только смерть. Потом — ты. Тепло. Жизнь. Форма. Я — не она. Я — твоя.

Я не ответил. Я не знал, что сказать. Ядро внутри молчало. Цепь натягивалась. Тонкая. Крепкая.

Я пошёл дальше. Маг — за мной. Только она. Только полуэльф. Только я.

Демон — позади. Сидит. Ждёт. Эльф — впереди. Идёт сам. Дворф — сбоку. С девушкой. Люди. Вместе. Без меня.

Я шёл. Один. С магом. С полуэльфом. С Ядром.

Тоннель вёл вниз. Ещё ниже. Воздух — гуще. Тяжелее. Как будто мы спускались не в Гнездо, а в чью-то грудь. В чьё-то сердце.

Матка ждала. Я чувствовал. Медленно. Тяжело. Как гора. Как море. Как что-то, что было здесь до нас и будет после.

Ядро пульсировало. Голод. Предвкушение. Я чувствовал — оно хочет. Не Матку. Не силу. Что-то другое. Что-то, что я пока не понимал.

Я шёл. Один. Почти один.

И, может быть, — в силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.